

18+

Анатолий Бесхлебный

Миллионщик

АНАТОЛИЙ БЕСХЛЕБНЫЙ

Миллионщик

«Издательские решения»

БЕСХЛЕБНЫЙ А.

Миллионщик / А. БЕСХЛЕБНЫЙ — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-981170-7

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД
ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ
УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Я
«увеличил» срок жизни Василия Тарасовича. Его прототип прожил меньше,
умер, не дождавшись выхода любимого сынка из заточения. Продлил, может
даже, намеренно, а не самопроизвольно, так как этот человек вызывает
симпатию, мудрый и какой-то неспешный... Да и по сюжетной линии так было
выгоднее, что ли... Он умирает, оставляя, по сути, Рыбкина одного.

ISBN 978-5-44-981170-7

© БЕСХЛЕБНЫЙ А.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Глава I: «План был прост...»	9
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Миллионщик

АНАТОЛИЙ БЕСХЛЕБНЫЙ

© АНАТОЛИЙ БЕСХЛЕБНЫЙ, 2020

ISBN 978-5-4498-1170-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

– А если найдут?

– А как они найдут? Спрячем, в картошке, да копаем, пусть ищут...» Вот, примерно, такой разговор вели два паренька, готовясь ограбить кассу, правления колхоза «Заря Коммунизма». В кассе тридцать две тысячи миллион по нынешним деньгам. Лет по семнадцать восемнадцать им было, этим несмышленным юнцам. В период расцвета советской власти это происходило, когда все было, чисто, и гладко и преступность была минимальной и милиционерам, по сути, делать было нечего. Поэтому это ограбление было, можно, сказать, ограблением века. По крайней мере у нас тут, на Тамбовщине... Эта давнишняя история успела уже обрасти легендами и мифами. И все же я решился перенести на бумагу эту неординарную историю, по крохам, можно сказать, собирая сведения о том давнем происшествии...

Многое замалчивалось. Люди молчали, боясь мести парторга. Но шила в мешке не утаишь. Кое-что все же просочилось и про УАЗик, и про истинного соучастника ночного воришки. Некоторые сведения я почерпнул у Лёшки Ефремова, моего, доброго знакомого – как разбивали оконные стекла у председателя колхоза Вяльцева, о том, что деньги были разбросаны у дома Славки Копьенкова это парторг пытался сбить со следа идеей, так как был замешан его сынок. Но большая часть сведений ко мне перешла, от матери, особенно о том, как загонялся, передавался в зону казенный УАЗик, как ломались судьбы ближайших родственников преступника; о том, как и почему узнику, пришлось заключить брак с девушкой редкой красоты, уже находясь в зоне...

Веселее то было! время. Беспечнее. Пик коммунизма. Семидесятые так называемая золотая десятка. Люди жили, как сыр масле. Можно было с трешкой спокойно зайти в магазин и отовариться полной форме. В райцентре можно было зайти в столовку и по-человечески покушать сидя за столом и первое, и второе, и третье блюдо. Как полагается. И соленый огурец тебе ко второму. И кружка пива. И даже две. Настоящего, ячменного. Без добавления всевозможных мерзостей. Жировали, одним словом. Пока не появился на политической арене Горбачев со своей премудрой Раей...

В то время предом у нас был приятнейший во всех отношениях человек Вяльцев Александр. Вовсе не жав, не из нашего села. А это многое значит. Ни блата, ни знакомств, ни кумовства. Все по справедливости. Знал я его хорошо, знал. Когда я работал в райцентре наши дома с Сашей стояли по соседству очень хорошо помню то время, как, наверное, самое розовое, самое лучезарное в моей жизни, и если б не прокурор – некая Тамара Ивановна, заимевшая на меня зуб я бы никогда не покинул то райское местечко...

В тех домах на Школьной, где я тогда жил, собралась как бы маленькая медицинская колония. Там были и терапевт, и инфекционист, и невропатолог и стоматолог, и педиатр – я то есть... Потом, два физрука, пардон, кажется, даже три. И еще несколько учительниц. Одним словом, интеллигенция преобладала... Даже военком, живший там же, был, по-моему, интеллигентом, и с ним приятно было побеседовать... Саша в то время работал инструктором райкома... По вечерам мы резались в Домино за так называемым общим столом у одной из трех двухэтажек – двух кирпичных и одного панельного. Мы рьяно стучали по дощатому столу, и Саша среди нас был самым бодрым и веселым игроком в домино,

Руководитель Вяльцев нашим колхозом, кажется, в конце семидесятых начале восьмидесятых. Но... кому-то потребовалось «выкурить» этого преда из нашей деревни, выжить. А как это сделать? Да очень просто. Здесь, в деревне, мы очень язвимы. Один ухарь, к примеру, поджог две копны сена у бедной женщины, сказавшей ему что-то не очень лицеприятное. Можно дохлого котенка в колодец бросить. Можно в скирду сена ведро солярки вылить.

Можно подойти ночью и повыдергать весь лук, помидоры, огурцы. Так называемое вредничая безнаказанно... Не говоря уж о такой банальщине, как битье стекол и подбрасывание грязных записок...

Вода камень точит... Уедет, обязательно уедет, покинет это проклятущее село... Тем более боли в сердце появились... И Вяльцев поступил так, как поступал мудрый Ходжа Насреддин: если дурак наступал тебе на полу халата, отрежь ее и уходи. Из-за сердца он я ушел из жизни, лет пять назад...

Не только я, многие в селе винят в смерти хоть она и наступила через два десятка лет Щелокова Толика, то есть Широкова

Ивана по кличке Рыбкин в книге. И Сашу Щелокова – брата претендента на председательский пост. Это они провернули операцию по выкури-

ванию Вяльцева из нашего села, дабы в кресло председателя уселся их близкий родственник. Свято место пусто не бывает гласит народная мудрость. И по логике вещей в председатели выдвинулся самый молодой и перспективный активист, дядя Рыбкина, до этого возглавлявший комсомольскую организацию, должностенка так себе, в общем, для бездельника, и главная обязанность его была раз в месяц пройтись по селу и собрать взносы у коммунистов-пенсionеров.

И наступил Щелоковский период... Вот тогда-то и появился «на арене» «кум королю», племянник нового председателя, год назад пришедший из мест не столь отдаленных. Теперь наш кон, теперь мы банкуем, удовлетворенно потирая руки, говорили те, кто относился к клану Щелоковых... Что ж, тут, пожалуй, подошло, время нашего главного героя, человека, можно сказать, легенды, прозванного Миллионщиком. Но, так звали лишь за глаза иронично настроенные люди. Более популярным было прозвище Рыбкин. Занимался, в основном, ничего не деланьем, видимо, находясь, у председателя на особом, с чету, как любимый племян, или просто как человек, однажды оказавший ему какую-то важную услугу...

Отдыхать под липками – это ли не любимое занятие праздного человека? Тем более, у данного субъекта была такая возможность – возлегать где-ни-будь под кусточком и вести бесконечные беседы с двумя-тремя собеседниками. Не без спиртного, разумеется. Тем более, спиртное у него не переводилось. В общем, панствовал человек, вел так сказать, праздный об раз жизни, т.е. жил за счет других самое первое правило, вора в законе или что-то наподобие, собирал, сливки, вершки, сшибал верхушки. Да собственно многие, побывавшие там, в не столь отдаленных, чаще всего теряли трудовую жилку, такая уж система, в наших колониях – отбивать у людей желание работать. И что характерно: чрезмерно, пьяным никогда не был. Что это? Пижонство? Склонность к эстетике? Чистоплюйство? Не желание выглядеть этакой куклой с оловянными глазками и со сбитыми набекрень мозгами? Трудно сказать... Моя же версия такова или боялся, что в голове шарики начнут сходиться с орбиты или ножки начнут слабеть и подкашиваться, и тогда придется униженно упрашивать тех, кто оказался более сильным в этой очередной, помойке и устойчиво держится в вертикальном положении. Но есть и другая версия, более тонкая и углубленная.

Моя версия такова: он раз и навсегда взял за правило пить маленькими дозами. Во-первых, это позволяло хмелеть, а не пьянеть, не теряя самоконтроля, самоконтроль для воришки – наиважнейшее. Во-вторых, алкоголь, по сути, всасываясь в пищевод, сразу же шел в кровеносное русло, минуя печень, давая мозгу необходимую концентрацию для ощущения кайфа и, собственно, щадя печень. Ну и, конечно, устойчивость сохранялась.

Вернувшись из тюрьмы, он наученный горьким опытом, уже больше не шел на крупное воровство, предпочитал воровство мелкое. И в нем он преуспел. Был такой случай.

У нас было ружье, подаренное младшему брату Коле дедушкой. И Коля по неосторожности, будучи еще школьником, позволил себе вместе с этим типом за садом, поупражняться в стрельбе по консервной банке. Вскоре ружье исчезло... Все село, страдало от этого. воришки. Ловкость рук, а точнее – умение строить хитроумные планы – было развито в нем необычайно.

Ну и еще немного об этом прототипе, прежде чем приступить, к так называемому жизнеописанию, к описанию жизненного пути, приведшего его к полному краху.. Родился он в многодетной семье, являясь последышем. Но, надо признать, последышем очень удачным. Любил очень отец этого мальчика, души, можно сказать, в нем не чаял. Ребенок рос шустрым, подвижным как ртуть, необычайно умным, умеющим схватывать все налету, наматывая, так сказать на ус. Этот далеко пойдет, удовлетворенно подумывал про себя отец. И тут он попал, что называется, в десятку. Сынок его младшенький, стоило ему чуть подрасти, начал проявлять стремления и амбиции необычайные, свойственные разве что только суперменам или высококородным отпрыскам – хватануть по больше, вскарабкаться повыше. Что ж, тут мы, как говорится, пас винить его за это мы не имеем никакого права, нам дается лишь одна жизнь, и прожить ее нам хочется как можно краше, интереснее, и естественно не в бедности. Жалко только, что наши, потуги взобраться, как можно выше или ни к чему не приводят или приводят к плачевным результатам.

Глава I: «План был прост...»

План был прост, как и все гениальное: взять ночью кассу в правлении колхоза, улучив подходящий момент касса привезена в конце дня и оставлена в правлении, взять, и закопать в картофельной борозде. А уж потом, когда все уляжется, начать помаленьку, пускать в дело залежавшиеся деньги... Старший брат Боря привез деньги, в связи с чем операция упрощалась до минимума, подходи, как говорится, и бери под покровом ночи – день и час прихода денег был известен точно. Казалось бы, удача должна была сопутствовать этому парню однако он потерпел фиаско в чем же его промашка? Оказывается, не один он до бывал деньги... Но и не со Славкой как об этом думали многие... Сынку парторга доверился он. Хотя... тут его тоже можно понять, в таком возрасте проворачивать такую серьезную операцию одному как-то страшновато...

Эх-х, Рыбкин, Рыбкин... Горе ты луковое! Не так-то все просто, как это порой нам кажется... Ну, взял ты кассу, а дальше что? Вот тут-то и начались сомненья, колебания и прочие неполадки с примесью мнительности и нервозности необычайной. Весь день деньской ходил, как на иголках, душа вся изболелась. Малец есть малец. Непосильный груз свалил на себя... В конце концов не выдержал и выложил все отцу, привыкнув, полагаться на его опыт и мудрое мнение...

Отец... вечный труженик, человек малообразованный, но трезво, рассудочно мыслящий. Односельчане его уважали, уважали за справедливые, житейские, незамысловатые суждения и трудолюбие... Как было уже сказано, в этом мальце он души не чаял: умненький, находчивый, подвижный, верткий, вникающий во все мелочи быта. Еще будучи огольцом, повсюду

следовал за отцом, хлопочущим во дворе, как бы стараясь помочь в его делах, а в конечном итоге – просто мешался под ногами, будоража и веселя уже не молодого отца... И каково же было ему услышать из уст сына эти страшные слова о колхозной кассе, зарытой в картофельной борозде!

Они примостились возле курника в проемчике между сараем, где отец всегда занимался рубкой дров. Здесь было безопаснее, кроме кур никто тут не мог подслушать, а матери подобные тревожные новости совсем ни к чему было знать...

– Ну что скажешь, папаня? Как ты на это смотришь? – любопытствовал новоиспеченный воришка, видя, что отец не торопится с ответом.

– Зачем в борозде-то? - непонятно и хрипло вырвалось у Василия Тарасовича, он словно не произнес, а прокаркал эти никчемные слова.

– А где? Где же?

«Да не найдешь же потом... – совсем уж хотел было произнести старик эту какую-то упадочно-пессимистическую фразу, но не смог произнести, стиснутый какой-то непонятной свинцовой тяжестью, навалившейся на него. а сердце начало стучать так оглушительно, словно это было не сердце, а кузнечный молот. Минуты, две или три сидел он молча, опустив, взор в землю, так было проще, свет Божий казался каким-то. не милым, неудобным. При этом он пытался переварить услышанное... Несомненно, отец – это трудяга до мозга костей, опешил и растерялся

донельзя... На миг поднял голову, в каком-то страхе и ужасе всмотрелся в лицо сына... Ведь нормальный же сынок, умненький, и не какой ни будь оголтелый бандит с большой дороги... Но взять кассу... Как это? Почему? Откуда это? В нашей породе никогда такого не было... Выродок? Трудно сказать. Сейчас такие времена... Все перепуталось, не поймешь, где ты прав, а где не прав. Бога забыли, запутались совсем надо срочно собирать семейный совет, обязательно надо, Аркаша умозрительно докажет, прав или не прав этот чрезмерно

шустрый отпрыск, покусившийся на государственную казну. Да какую сумму схватил! Да что он в самом-то деле, очумел что ли?..

Но сынок – надо отдать должное его искусству увещевать – так умело, так ловко начал, плести сеть умиротворяющего, охмуряющего разговора, что буквально на глазах Василий Тарасович из оглушенного состояния начал, выходить, мало того – начал поддаваться уговорам сынка, считавшего, что эта умело схваченная сумма пойдет на благо семьи, поможет выкарабкаться из бедности и перейти в когорту людей зажиточных, преуспевающих, не- знающих ни в чем нужды, ни в пище, ни в одежде, ни в каких-то других потребностях, может, на уровень более высоких, нежели этот убогий деревенский уровень...» В город постепенно переберемся, вырвалось даже у фантазера-увещевателя.

– Рыба гниет с головы знаешь... знаешь такую пословицу?

– К чему ты это? При чем тут эта пословица?

– Не знаю, – как-то потеряно произнес Василий Тарасович, пребывая в состоянии очень и очень удрученном. Не доглядел, я некто иной. За проступки сынов отцы в ответе, мне и расхлебывать... я имею ввиду – морально. От тебя-то – взятки гладки. Отсидишь свое и вновь начнешь бедокурить. Это уж как пить дать, это что-то в виде заразы, таким ты, видать, уродился...» Василий Тарасович горько вздохнул.

– Куда перепрятать? Говори, куда? Если в картошке нельзя, – торопливым шепотом произнес сынок-прохиндей, когда они уже закурили, отец самосад, сынок – беломорину.

– Ладно, не гоношись. Теперь уж пусть лежат вылеживаются...

– И я так думаю.

– Это же надо удумать такое – взять колхозную кассу. Это уже, я считаю, по-свински.

Люdiam начислили за их труды, а ты взял. Чем платить теперь будут?

– Это уж не наша забота...

– А чья же?

– Слушай, папань, ты что, в самом деле печешься, о государстве? Да в их закромах, знаешь, сколько?

– Сколько?

– Воз и маленькая тележка... Горы золота, если конкретнее. Нам такое и не снилось...

– В общем так... Аркаша приедет и там решим, что к чему и что по

чем. А пока – не рыпаться. И прежде всего надо успокоиться и перестать метать икру.

Ниже травы, тише воды затаиться. Словом нас и нет на белом свете, будто мы сгнули. А спросят, брали? Отвечать не брали, спокойно отвечать. Они спрашивают повторно, и опять же, мол, ни сном, ни духом...

– Дурдом какой-то... Что ты плетешь, папань?

– Я говорю, как оно есть, сынок. Дело наше пропащее – такая ситуация.

Кожей чую – пропащее. Но все равно, икру метать ни к чему. Сесть на жопу и сидеть. Где-нибудь в уголку. А там видно будет, – постепенно обретая прежнюю деловитость, произнес Василий Тарасович. – Пошли, у меня там есть в заначке, тяпнем по рюмочке, а то как бы удар не хватил, очень уж нехорошо на душе, напряженно. Пододвинул, ты мне, сынок, проблемы. Зайдя в дом, они торопливо проглотили крепенький напиток, не закусывая. Мы, Кисляковы, вечные труженики... Испокон веков... И вот откуда-то белая ворона взялась, – ворчливо произнес Василий Тарасович, но уже без прежней злости, а несколько снисходительно. По, видимо, его нравоучительные речи не попадали в цель.

– И не ливером будем питаться, а копченой колбаской, – раздобрев после

выпитого крепкого самогона, произнес шустряк-сынок.

– Да тише ты, мать услышит, – прошипел отец, заговорщики прижимая палец к губам.

– Ничего, ничего, живы будем, не помрем, – излучая легкомысленность и бравадный задор молодости, произнес «герой дня», даже и не замечая боли и тоски, застывших в глазах родного отца. – Жизнь продолжается. Не в первые, не мы последние. Подумаешь, невидаль какая – касса...

– Когда стемнело, Василий Тарасович в сумраке сарая, притулившись к к яслям рядом с коровой, начал неистово молиться. Никогда он не обращался к богу, но тут вынужден, был обратиться. Молитв он не знал и горя повторял лишь как заведенный, лишь две фразы: «Спаси и сохрани моего медвежонка так он звал своего сынка, когда он был еще маленьким. «И Пусть он больше, не ворует... Он не знал о том, что парторг тоже переживает за своего сынка. И тоже, почти по тому же поводу...

Двенадцать, часов ночи... В это время, не спали не только Рыбкин и его отец, но и парторг... Это была жизнь, ее извивы, ее проявления, борьба, так сказать, за существование, за продолжение своего рода, каждый пекся о своем родной кровинушке, подчиняясь вековечным родительским инстинктам...

Парторг... даже не хочется называть его по имени – просто парторг. нехороший человек с лисьими замашками, но с волчьей душой. Про таких говорят: мягко стелет, да жестко спат. За счет колхоза купил кооператив детишкам... Совершенно случайно он обнаружил, в ящике стола в комнате сына пачку денег... Сынок не стал, отпираться, тут же во, всем признался, сказал, что ходил вместе Рыбкиным в правление, но внутрь не залазил, а стоял «на атасе». И Рыбкин за это качестве благодарности дал ему пачку денег...

– Какая же ты тупая скотина! – горько-произнес парторг. Славка Промозглых. Закадычный друг Ивана Рыбкина. Похоронил брата, отца... Жил в одиночестве. Отчасти тоже был шустряком. Трое их было, друзей. Еще был Филателистов Борька Три друга, три разных судьбы, три разных характера. Славка хоть к слыл шустряком, но был грустноватым шустряком. И если эти двое были небольшого росточка, третий, Борис, был высоким и простецким до мозга костей Парторг по какому-то своему разумение из двух друзей Рыбкина вы брал почему-то Славку. Видать, под несчастливой звездой тот родился.. Одевшись, парторг торопливо, направился к его дому. Подойдя к его ограде, начал разбрасывать деньги направо и налево. Затек зашел к Славке дал ему сотню и прежде:

– Храни молчание. Это в твоих же интересах.

– Какое молчание?

– Не перебивай, сейчас объясню... Короче тебя, наверное, скоро арес-

туют, но быстро освободят, все зависит, от тебя: от твоего молчания.

– Да в чем дело-то, что-то я не врублюсь...

– Взяли колхозную кассу...

– А я тут при чем?

– При том, что вокруг твоего дома десятки валяются, словно какой мусор. Прямо хоть бери веник и подметай. Вот держи еще одну сотню...

– Зачем вы даете мне деньги, для чего?

– На такие прямо поставленные вопросы трудно ответить, по-лисьи уклончиво ответил парторг... Но просто так не дают... Там, в милиции просто молчи и все. Больше ничего от тебя не требуется. Отпустят. У них же никаких улик. В крайнем случае, я позабочусь, похлопочу... В моем лице ты получаешь на всю жизнь человека, всегда, готового прийти на помощь, всегда поможем и с угольком, и с дровами... «Можно даже и работенку интересную, выбить тебе... Или объездчиком или нормировщиком-нарядчиком – такую ставку можно пробить. Плевая работенка, а денежки пойдут, потекут ручейком...»

Славка первая жертва. Жертвами стали и отец, и брат средний. Да и сам парторг был надолго выбит из колеи... Когда ночной гость ушел славка несколько минут сидел на своей кровати, в виде неподвижного изваяния, оглушенный и сбитый с толку... На конец выйдя из оцепенения, он встал, зачем-то начал искать веник. Не благоразумие взяло верх, и он вышел без веника, подсвечивая себе фонариком.

Несколько дензнаков ему и самом деле удалось отыскать, хотя... далеко не все – нервное напряжение и темнота сыграли: свою роль... Но и те несколько десятков у него отобрали потом при обыске, как общественные доказательства... Сглупил он, конечно, смалодушничал. Вместо того, чтоб швырнуть грязные деньги в морду парторга, он пошел поводу у негодяя. Но... не будем судить его строго, как говорится. Время было такое суровое, и парторг в деревне был фигурой немаловажной.

От Славки парторг уверенно двинулся к Широковым, жившим напротив к Рыбкину то есть...

– Короче, так, Тарасыч... – ночной визитер прокашлялся, чтоб снять охриплость.. – Сынок Ваш замешан... Мой – отчасти... Будем говорить без утаек, как оно есть, уж нам-то таиться ни к чему... По всем признакам его будут привлекать, а не моего – это Вы должна уяснить прежде все -го... Мой даже не прикасался к деньгам, всю операцию от начала до конца замыслил и провел Ваш, а не мой. На него и все шары посыпятся. По логике вещей... Они стояли в сенцах в полнейшей темноте. Два отца. У каждого из них болела, душа за своего отпрыска... И все же Широков-отец продолжал оставаться человеком, хоть и испуганным и крайне растерянным вовсе не иудой, как это зачастую, случается с нами, когда беды нагрянут на порог нашего дома...

– Я не пойму... Они, значит, вместе были?

– Да ну как вместе... Пристегнул он его за компанию. Чтоб не так страшно было. Ну... мой... и не отказался, будучи безотказным... Но он к правлению даже и не подошел, в сторонке стоял...

– Как это в сторонке? Где в сторонке?,

– Вы хотите знать подробности?

– Ну да.

– Подробности потом выяснятся. В милиции. Но не здесь и не сейчас, -взяв на октаву выше, произнес парторг уже более официальным голосом так что не нужно меня дергать и провоцировать... Я сам ничегошеньки не знаю. Знак лишь, что мой дурак связался с Вашим, и я вам, дуракам, сейчас пытаюсь помочь по мере возможностей. Помочь и предостеречь от опрометчивых шагов. По неопытности... Прежде всего я попросил бы не втягивать моего... Вот тебе две сотни, старина. Пригодятся. Хотя бы-на того же адвоката. Говорят, не подмажешь, не поедешь, кхе... Если потребуется,

и еще могу дать... Да, и вот что, дорогой мой Василий Тарасович... Поста-

раюсь вытянуть и Вашего этого дельца, заварившего эту кашу, совсем не подходящую для его возраста... Ему семнадцать есть уже?

– Да стукнуло недавно. А что?

– Да если б не было семнадцати, он бы как малолетка пошел, а так... Но все равно, постараемся вытянуть. Всеми прачами, как говорится, и неправдами, кхе. У меня связи. И в рай-коме, и в прокуратуре... Так что имей ввиду – ни гу-гу про моего стервеца... Долг платежом, ты это знаешь. Чуть что, сразу ко мне. Всегда поможем... Все, ухожу. Аж спина мокрая. Все запомнил? Все понял?

– Да, кажись, все...

– А я побежал. На душе беспокойно. Аж: спина мокрая как лошадь, кото -рую заездили...
Неспокойно, очень беспокойно. Кошки скребут... Как бы над собой чего не сотворил...

– Слушай, объясни мне... объясните...

– Потом, потом, Тарасыч. Некогда. Там сынок без присмотра. Боюсь я за него. Какой-то сам не свой. Ведь несмышлениш же, по сути. Не привыкшим

к подобным передрягам... Чего ты хотел?

– Да деньги-то, деньги. Куда их?

– Э-э, голубчик... Нашел, о чем спрашивать... Я сам не больше тебя...

– Что с ними делать? Куда их сдать?

– А где они?

– Закопаны.

– Деньги – все, считай, пропало, – неопределенно произнес парторг и, словно чего-то испугавшись, как ошпаренный, выскочил наружу и рысью побежал в сторону своего дома. Что-то нехорошее шевельнулось на душе Василия Тарасовича, какая-то тень подозрительности, но он постарался отбросить эту подозрительность.

– Пороть их надо! Ремнем! – хрипло крикнул он в темноту. Но темнота не отозвалась ни единым звуком, молчала темнота, зловеще молчала, сгущая, усиливая неуют в душе пожилого, человека, за чем-то приложившего руку к сердцу, там, в области сердца что-то осаднилось и поджимало...

– А не бегать за ними, на цыпочках, сдувать, пылинки... Но это, последнее, также, как и первое, относилось не только к парторгу, по-лисьи скользкого и увертливого, но и к нему самому...

Он уже почти дошел до своего дома, но почему-то повернул назад. Вернувшись к дому Славки, он начал подбирать денежки, одновременно ста -раясь кое-где ставить... Потом ему послышался какой-то подозрительный шорох. Он замер, прислушиваясь: кто-то копошился в ограде... «Промозглых... Ползает, – догадался парторг. -Точно, ползает, кхе... Вот дуралей! Ползает тут ночью... Надо когда немного рассветет... Эх-х, горе луковое. Себе же проблемы создаешь, балбесина.

Я – то, ладно, у меня нет выбора. А ты-то чего ползаешь? Ведь завтра же обыщут и отберут, как вещественное доказательство... Прямо как ягненок несмышленный аккуратно встав и отряхнувшись, парторг тихонько начал удаляться, отчасти повеселев и даже почувствовав прилив новых сил в виде второго дыхания. Такое иногда случается у спортсменов, когда они начинают приближаться к финишу...

И, тем не менее, к милиционеру он пришел, совсем измученным и измоча- ленным, словно побывав в какой-то очень опасной передряге. Теперь уже не только спина, но и кожа лица лоснилась от жира и пота вперемешку. Он то и дело вытирал лицо носовым платочком, но это мало помогало. А уж сердце, сердце-то стучало! Как у пробежавшего длинную дистанцию. Только бы он был дома, только бы не уехал... В конце концов, это же свой человек, а со своим всегда проще договориться. Тут подмазывать, пожалуй, не придется... Но все равно, как-то... не очень... я бы сказал, даже очень и очень... страшновато... Чужая душа – потемки... Какой-то он непредсказуемый и чрезмерно честный...»

– Что такое? Что случилось? Ведь третий же час ночи, три уже, считай... О, да на Вас лица нет... В чем дело?

– Не лаврами усыпан наш путь, далеко не лаврами, – отвлеченно произнес парторг, как всегда стараясь напустить туману... Идемте, сами увидите

– Что у Вас в руке?

– Это? Это... э-э... чехольчик. От очков... э-э... точнее, для очков.

– Очки? Вы что-то искали? И колени у Вас запачканы... Что Вы искали?

– Кхе, кхе... Как говорится, напоролся... на вопросы блюстителя... будучи сам, если не блюстителем, то, во всяком случае, поборником чистоты и порядка, так сказать, кхе... Бы сейчас увидите и все поймете. Идемте же, тут недалеко, буквально.

– Да что такое? У вас вид такой, будто за Вами гнались. Будто вы пробежали стометровку. И не одну. Они уже спускались по ступенькам. Вышколенный милиционер оделся за минуту или две.

– Фонарик прихватили?

– Нет. Но у меня есть спички...

– Ё Мое! Да у меня же самого есть фонарик. Вот что значит, голова в дымовой завесе.

– Ну а все-таки, что случилось? Я обязан знать.

– Кассу взяли.

– Ну я знаю. И что?

– А ничего. Идемте.

– Да куда идти-то?

– За Клозетычем, через три дома.

– К Славке что ли?

– Да. К нему.

– А что у него?

– Вся улица деньгами усыпана... Конечно, в этот вечер парторг много дров наломал. Ну, если не наломал, то во всякое случае, суетился он чрезмерно. Как-то даже и не к лицу было ему, человеку занимающему значительный по тем временам пост – пост главного идеолога тут, в деревне. Но в данный момент, он что называется вообще терял голову от чрезмерных и каких-то неуклюжих потуг, и усилий помочь своему не оченьмышленому сынку.

– Может, кто свои рассыпал? – произнес осторожно милиционер Столярни-ков, осторожно присматриваясь к парторгу, всегда спокойному, невозмутимому, но сейчас явно находящемуся не в своей тарелке.

– Свои не рассыпают, – резко ответил парторг Тюльпанов. Он шагал так быстро, что милиционер с трудом поспевал за ним.

Столярников усмехнулся, но ничего не сказал дальнейший путь продолжался в полном молчании. Лишь на подходе, к Славкиному дому милиционер все же позволил себе прервать молчание:

– Ну а все-таки, как Вам удалось, узнать про рассыпанные деньги?

– Случайно нагнулся, смотрю, деньги, – невинно произнес парторг.

– А такое бывает?

– Что именно?

– Чтоб ночью подойти к чужому дому, случайно нагнуться, как я понял, и опять же случайно увидеть лежащую в траве денежку.

– Ну... тут... сам черт не разберет, – как можно легкомысленнее произнес парторг, стараясь спрятать поглубже и взволнованность и тревожность вибрирующих голосовых связок, опять начавших подозрительно подхрипывать.

– Идемте, не отставайте, идемте..

– Вы лет на десять младше. И бежите, как оглашенный. Куда вы так бежите?

– Знаете такую поговорку: куй желез о, пока горячо? Сейчас увидите, почему я бегу.» Парторг опасался, что Славка успеет подобрать бумажки.

Парторг начал подсвечивать фонариком, и вскоре они и в самом деле наткнулись на дензнаки. Боже ж ты мой! Да это же червонцы! – воскликнул милиционер, не скрывая своего изумления.

– А вы как думали?

– Черт?.. – милиционер тихо матюкнулся, как это всегда с ним случалось, когда его посреди жизненного пути настигало очередное разочарование, разочарование в общем-то хорошем, добром человеке, но под давящимся минутной слабости. – Неужели Славка?

– А кто же? Кто же еще? Если иметь ввиду своих? Парень еще тот...

– Не верю. «Что-то я не верю», – произнес милиционер, в мгновение из обидительного, контактного человека превращаясь в недружелюбного буйного нелюдима, парторг же явно повеселел.

– А чего тут не верить? Он, конечно же он. Больше некому... Но тут он несомненно, наломал дров...

– Что вы имеете ввиду? – спросил участковый;

– да вот эти рассыпанные деньги, которые мы сейчас подбираем.

– Что-то странное здесь наличествует. Вы не находите?

Милиционер внимательно посмотрел на маячившую перед ним фигуру парторга.

Словно он специально вокруг своего дома рассыпал: смотрите, мол, это я украл колхозную кассу.

– Пути Господни неисповедны, не подвластны нашему осмыслению так говорят старые люди, не определенно, произнес парторг, под мудростью крылатого изречения стараясь скрыть свою лисью сущность...

А через день, после того, как забрали. Славку, хитрый парторг поехал в райцентр. Ему нестерпимо, до зуда в костях и суставах, хотелось увидеться со вторым секретарем, которого он считал чуть ли не своим панибратом. Что-то в этих двух людях было общее, и в чертах характера, и в манерах поведения, всегда выдававших в них скрытный эгоизм и корысть.

Увы, ему не повезло. Угрюмцев был занят. Но парторга, что называется подмывало. Ему не терпелось, и ноги сами занесли его брэнное тело в комнату, в которую вход посторонним был строго запрещен, о чем ему и сказала секретарша...

– Летучка, товарищ. Нельзя.

– Какая еще летучка?

– По срочному делу. В связи с участвовавшими ограблениями. С сотрудниками сбербанка. Секретарша более внимательно взгляделась в посетителя.

– Вы, кажется парторг из деревни Слезки?.. Конечно, путь долгий. Сочувствую. Может, подождете?

– Мое дельце не терпит отлагательств.

– Что так?

– Срочное сообщение. По поводу ограблений недавнего. – Ах, да! Это же у вас... Ну, проходите, проходите... Аудитория замерла: что за кощунство! Что за нахал! Сам Угрюмцев ведет собеседование, а вот, он ввалился как идиот, как олух...

Но Угрюмцев не растерялся.

– Ну что, товарищи, закругляемся? – произнес он, обращаясь к аудитории, зычно, но немного сипловато, как и все желчные люди.

Все ясно? Вопросов нет? В таком случае закругляемся, так как дел и без того невпроворот. Успеха там и удачи. Но вы поняли? Бдительность, бдительность и еще раз бдительность, как завещал нам вождь, великий гуманист, революционер и философ-марксист товарищ Ленин... – Не прошло и минуты, как аудитория очистилась от разношерстной публики. – Так,

ну, давай, рассказывай: кто, как, чего? Я весь внимание, давай, рассказывай, – нетерпеливо произнес Угрюмцев, взглядом теплым как бы опекая своего подчиненного.

– Рассказ получится не очень, радостный...

– Ну, это само собой... Но нам-то теперь можно и вздохнуть свободно вор найден. Кстати, кто он?

– Шираков Иван Васильевич. Плугочист. Почти малолетка. Недавно школу закончил. Семнадцать лет. Но... тут вот какое дело, Николай. Анисимыч... -Тут ниточка протянулась тоненькая... – Тюльпанов замолчал, понуро опустив голову и всем своим видом изображая бедного сиротинушку...

– Что? Что такое? Какая еще ниточка?

– Ниточка к моему сынку-олуху. Бывают умные сынки, а иногда и олухи, у которых извилины слабо ворочаются. И из-за этого они попадают в просак.

– Хотя от этого они не делаются менее любимыми нами, их горемычными отцами. Так я говорю?

– Да. Абсолютно.

– Ваш сынок замешан?

– Видите ли... Не совсем замешан... Точнее, замешан, но лишь отчасти... Он был там, с этим Широковым. Но был в сторонке, не разбивал стекло, не влазил в помещение... Он как бы всего лишь составлял компанию своему бывшему однокласснику. И тот воришка дал ему всего одну пачку за то, что тот такой компанейский в трудный час не оставил его одного, поддержал, так сказать, морально поддержал. Молодо-зелено, одним словом.

– Н-да... Ситуация... – Угрюмцев задумчиво почесал затылок. – Толковый ты мужик, бесспорно. Ценю я тебя за это. И уважаю всеми фибрами своей души. Но... тут даже и не знаю... Тут уже инстанции иные задействованы. Безжалостные колеса закона, перед которыми мы все, как Вам известно, равны...

Полуофициальный тон второго, напугал Тюльпанова и он взволнованно упал на колени.

– Николай Анисимович лишь на вас надежда. Лишь Вы с Вашей мудростью можете мне помочь, а больше никто. Лишь в Вас я могу найти сочувствие поддержку в этот немилый для меня час. Придумайте же что-нибудь.

– Так, вот, что, дружище... Во-первых, встаньте с колен, не к лицу нам, партийцам, пребывать в такой позе... – Тон голоса Второго чем-то обнадежил чуткого к переменам тональности Тюльпанова... Теплые нотки почувствовал он в этом голосе. А главное, уверенности и деловитости прибавилось, а это могло означать лишь одно: что-то появилось в сильном мозге. Этого удивительного человека, что-то дельное и практически выполнимое, а не зыбкое и несущественное. – Выход, думаю, все же есть, и я думаю, мы сможем воспользоваться им, не нарушая никаких законов, так как, судя по твоему рассказу, сын Ваш закона в общем-то не преступал... Так, садись, бери ручку и пиши, под диктовку заявление на имя начальника милиции... Значит так... Я, такой-то – такой-то, свидетельствую, что в ночь такую-то мой сынок был свидетелем – собственно, так оно и есть. И неужели уж мы, заслуженные партийцы, не заслужили какого-то послабления? – это уже, как говорится, не для протокола... был свидетелем того, как – пиши фамилию, имя, отчество воришки – ограбил правление колхоза, взял деньги, которые были начислены колхозникам. Деньги в данный момент находятся у вышеупомянутого Широкова. И роспись. Точка. – Написал?

– Написал. Даже и не знаю, как Вас благодарить.

– Да брось, ты же знаешь, как я к тебе отношусь. Мы, можно сказать, по-братимы – ты и я. У нас не только взгляды, но и мысли, можно сказать, однозвучны. Уважаю тебя не только за расторопность, как партийного работника, но и за умозрительные выкладки, догадливость и проницательность. Зная Тюльпанова, как облупленного, зная все его повадки и может даже

читая исподтишка все его тайные если не мысли, то помыслы, внимательный Угрюмцев не мог не заметить все же некоторой грустноватой тональности в голосе подчиненного, она продолжала присутствовать, не исчезла, не испарилась, как ожидалось. И, тем не менее, он сделал вид, что не замечает этой не исчезнувшей грустноватости. Такое, уж было правило игры: ждать, пока к тебе не... обратятся, не...попросят, слезливо с ноющими

сердечными струнами, взывающими к милости и состраданию... Но когда Тюльпанов, и не думая вставать хотя время его давно уже вышло, понуро опустил взгляд в пол, второй все же не выдержал, произнес с некоторой сердобольностью в голосе:

– Простите, но Вы, кажется, по-прежнему обескуражены... Что-то не так?

– Я...Я не то, что обескуражен... Просто я в некотором замешательстве недопонимания... Ну, допустим, он прочтет, упырь этот милицейский, Цып-лаков, майор... А дальше что? Послать он, конечно, может и не пошлет, но

где гарантия, что он с этой бумажкой не сходит в туалет? Как Вы думаете Николай Анисимыч?

– Да ну, что Вы!

– А почему бы и нет? И без того блеклое лицо парторга, еще больше поблекло, отчасти сделавшись похожие на пергамент.

Некоторое время Второй внимательно и вдумчиво смотрел на подчиненного, имея при этом вид серьезный, даже очень серьезный. Хотя... в глубине его души мерцали и играли солнечные зайчики, его заскорузлая душа тешилась, излучая искристый, добрый смех, целительный, оздоравливающий, излечивающий от всех на свете недугов. Так уж устроен человек: если кто-то из наших знакомых терпит бедствие, нам от этого ни горько, ни печально, как это можно, было бы ожидать по логике, а наоборот-очень радостно.

– Не горюй, дружище, не горюй. Держи хвост пистолетом. – Да чего уж там...

– Слушай, вот что... У меня есть минут десять, пожалуй. Идемка в буфет... Я угощаю... Так и быть, разопьем бутылочку – другую пивка, к нам за везли свежайшее «Жигулевское», – произнес второй, лаская теплым взглядом своего подопечного. Это был добрый знак – благоволение. Второго, и Тюльпанов заметно взбодрился.

В буфете они не торопясь выпили по бутылочке пенного напитка легонько закусывая горьковатую, но такую приятную жидкость тонким ломтиком сервиладика... По телу растеклось тепло, неприятная истома и расслабленность... Потом они неторопливо пошли к выходу, при этом. Угрюмцев как бы подбадривая, дружески полу обнимал за плечо Тюльпанова... Минута, даже – полминуты, и они расстанутся. Нервы парторга, натянутые до предела, не выдержал, он произнес надерванно:

– а Вы бы не могли бы Николай. анисимыч... э-э... сами. Пардон, нет не то... Вы не могли бы вместе со мной... «Тюльпанов замолчал, словно за хлебнувшись, не решаясь произнести решающее словечко, не решаясь попросить похлопотать о нем перед этим противным Цыплаковым, имеющем чрез мерно много спеси. В его представлении это, было если не святотатством, то во всяком, случае, кощунством.

– Понимаю, понимаю... Вы сомневаетесь... Не сомневайтесь. Собственно кто он и кто мы? Он – шестерка. Мы же – главная действующая сила, мы двигаем историю, а они всего лишь органы, защищающий нас от посягательства... всевозможных... Э-Э...элементов, незрелых или подпорченных изнутри червоточиной. Он же зависим от нас. Мы вправе решать: сидеть ему.

в кресле или... сматывать удочки и уходить, кхе... Так что успокойся, не будет он противоречить.

– И все же, – прохрипел, каркая пересохшим горлом парторг. – Я просил бы.

– Хорошо, хорошо... Сделаем так, голубчик: Ты мне звякнешь в тот

день, когда тебе идти к Цыплакову, и я ему звякну, замолвлю, так сказать словечко в сердечно-душевных тонах. Не любитель я подобных вещей, но..тут, коль скоро затронута твоя судьба, вернее, судьба твоего ребенка, приходится идти на компромисс... Значит, позвонишь, и тогда я в свою очередь звякну. Лады?

– Лады, – в унисон отозвался чуть-чуть порозовевший худосочный Тюль панов.

Прошел еще один денек, один из множества дней того, вялотекущего времени, которое – мы, ныне живучие, уже не очень молодые – скажем так – с высоты прожитых лет с теплотой и нежностью называем коммунистическим временем... Милиция, вестибюль до блеска отмытым, чистейшим линолеумом, пасмурные коридоры... Все тут, как всегда, сурово и как бы официально значительно, включая даже уборщицу Глашу прозябающую тут уже не один год также, как и котенок Барсик, прилипчиво ласкающийся у ног сумрачно-задумчивых, милиционеров. То были благодатные для милиции времена, когда преступность в нашем разливнованном государстве была доведена до минимума, в этом отношении мы даже опережали Китай... Но, извиняемся... Что-то все же было не так, что-то настораживало стороннего внимательного наблюдателя. Но что? Что-настораживало? Наверное, прежде всего тетя Глаша по кличке. Баронесса. Куда-то исчез ее привольно-вольтный видок и чепец, слегка смахивающий на корону, она не сидела, как обычно, в своем уютном уголку среди вьющихся декоративных цветов, не вязала, как всегда и не пила чай, демонстративно раздувая щеки, нет, она получившая мимолетную взбучку от самого начальника милиции, озабоченно прохаживалась по коридору в поисках каких-то пылинок, которые милые и услужливые пятнадцатисуточники успели подобрать буквально полчаса назад... Настораживали также, не которая торопливость и поспешность в движениях того или иного милиционера, одиноко почти, осиротело дефилирующего по коридору. Да, да, не было прежней вольтности в этом обиталище строгих с виду блюстителей порядка, а на самом деле очень добрых и уступчивых. После экстраординарного случая в деревне Слезки что-то нарушилось в прежнем спокойном течении жизни милицейской... Но заглянем в святая святых, туда, где на стене, словно икона был портрет худого туберкулезника Дзержинского с орлиным носом, а также дедушка Ленин шурил свои хитроватые глазки с картины в какого-то художника... Начальник милиции сидит за столом, сравнительно молодой, пружинистый и довольный жизнью красавец, любимец женского пола. В данный момент этот смелый и решительный начальник блюститель по фамилии Цыплаков имел удовольствие, точнее, неудовольствие разговаривать по телефону со своим областным начальством. Неподалеку, как верный пес, сидел на стуле его заместитель, небольшое лысый

крепыш, тоже не улыбочивый и необычайно серьезный, так называемый Мак-симыч, добрейшей души человек – в отличии от своего начальника задиристого, и дерзкого... Разговор был из неллицеприятных:

– Ты что, спишь сидишь, мохноногий, – грозно рокотали на областном конце провода, вызывая внутреннюю дрожь во всем теле Цыплакова, не привыкшего к такому обращению. – Ты милиционер или стрекозел, всю ночь пробарахтавшийся с пышнотелой женушкой, хорошо еще, если со своей, и утром не успевший похмелиться? Мне уже докладывали, как ты там рьяно охмуряешь поселковых женщин, покладистых: по отношению к милицейскому мундиру... Почему так расхлябан? Где твоя выправка? Уверен, ты там сидишь в обнимку с какой-нибудь красоткой, похожей на куклу, умею шей нежно мяукать в постели и произносить это затертое до дыр слово «люблю», хотя никакой любви и в помине нет... Даже не знает, в каком месяце родился задержанный... Это же надо! Да где это видано? Парень утащил у государства более тридцати тысяч, а мы: «да где-то там около восемнадцати... Да за такие ответы раньше не раздумывая или увольняли или переводили в рядовой состав, как потерявших квалификацию. Скоро, наверное, совсем там оупеете и деградируете, черти полосатые. Вся область

по вашей милости поставлена на уши, а он сидит там к не чешется. Взяли какого-то заморыша и радуются. Да-может это вовсе и не он брал кассу, а вы уже раскисли и готовы кидать шапки вверх и кричать, ура тогда как нужно, на верное, кричать караул... Точно он или не точно?

– Да... не очень похоже, – честно признался Цыплаков, доведенный чуть ли не до умопомрачительности чрезмерно ретивым начальством.

– Почему?

– И за горло брали, и давили, можно сказать, этого салажонка замухрыш-ку, и по ребрам били... Все равно талдычит свое: «Нет, не брал..»

– Этот Загуманенных или как его... Он кем работает?

– Да тоже... не поймешь, не разберешь... Мутный какой-то... Без определенного рода занятий... Хотя, пардон, пардон... Вру... Значит, так... Ра ботал сторожем, но сейчас не работает... Жестянщиком неплохим слывет в деревне, людям ведра худые заклепывает... Вот, вру, башмачником, сапожником, то есть, а жестянщиком – это его брат Ильюха, точнее, Петруха мастер на все руки – и сети плести умеет, и носки вязать, и колодец копать, и все прочее, – ошалев от напряжения, полу бессвязно бормотал обескураженный начальник районной милиции, смелый и решительный, а на поверку – слабак. – Чинит обувь, в основном. Мастер по пошиву...

– Так башмачник или жестянщик?

– И то, и другое. По-моему,

– Опять сбой, опять неточность, – ворчливо произнесли на том конце.

Значит, так... Пока не нужно спешить. Спешка нужна при ловле блох, хе-хе что-то у вас там не так, по-моему. Нутром чувствую, не то, не в ту лузу

летит у вас, не в ту. Впустую икру мечете. Отвлекитесь. Паренька того пока не трогайте, пусть лежит там у вас на топчане, кушает казенные щи, кхе. А там, может, и след настоящий отыщется. Пусть сидит, пусть. Не он первый. Ничего страшного... Нарушение закона?.. Да он везде нарушается, даже в этой хваленой Америке. Когда нужно, закон подводят под юрисдикцию, а не наоборот. В общем, по ходу дела. Ориентируйтесь. А для лучшей ориентации Зимарина к вам в командировку высылаю, нашего лучшего сыскаря. У него нюх, как у собаки. Он его, этого вашего заморыша, обнюхает и сразу поймет, он или не он... Вы там сейф хоть раздобудьте черти полосатые. Это ж надо додуматься до такого – в деревянном шкафчике тысячи у них преспокойно лежат, провоцируя людей добрых... За подобные делишки, знаешь, что бывает? Вплоть до расстрела, если учитывать суровые сталинские времена, когда не было никаких поблажек разгильдяям... Я специально Антону дал указание все там, всю подноготную в письменном виде доложить – о всех ваших грехах. Ох неровен час, очень неровен. Уверен, многие полетят со, своих постов там у вас. А то пригрелись там, у кормушки. Не милиция, а свиношник какой-то, скотобаза, честное слово... С какой-то чрезмерной, осторожностью майор аккуратно положил трубку телефона и около минуты сидел, ступорозно уставившись в одну точку...

– Кажись, пронесло... Прямо как бикфордов горит, а не бабахает.

– Что он там? О чем говорил? – раздраемый любопытством, произнес Максимыч.

– Да что... Все то же. Как, обычно... – расплывчато произнес Цыплаков, явно не желая входить в подробности. – Старо, как мир.

– Ну а все-таки? – попытался сердобольно капитан.

– У вас там; говорит, не милиция, а скотобаза...

– Что уж он так, – немного обидчиво немного рассерженно произнес верный служака – заместитель. – У них там только не скотобаза... Сами погрязли... Оттуда, все идет – все нечистоты.

– С преступностью, говорит, нужно бороться, а не сидеть, сложа руки. А иначе в передовые вам никогда говорит, не выбиться.

– а вы что?

– Да что я? Что? – озлобляясь резко и неожиданно рявкну по-львиному майор. – Что я мог ему ответить? Что? подумал лишь про себя.

Куда уж нам в передовые. В передовых идут те, кто умеет лизать начальству, кто умеет говорить льстивые речи и умело произносить это иностранное слово «пардон» о французском произносе.

– Правильно, правильно... Кто рубит правду матку тот не в чести. Это закономерность льстивые речи нельзя не любить, так уж человек устроен, любит, чтоб его хвалили...» Неожиданно раздался телефонный звонок.

– Майор Цыплаков слушает.

– Это из райкома Угрюмцев. Кого вы там держите по подозрению?

– Промозглых.

– Отпустить. Немедленно. Сейчас же.

– Что-то я не пойму... В чем дело? Чей это приказ, собственно? В конце концов... мы – инстанция не указуемая, а наоборот, когда дело, касается... э-э... государственной собственности...

– Преступник не он. Преступник настоящий найден.

– Как найден? Кем найден?

– У меня только, что был парторг Слезкинской организации. Он указал на истинного преступника.

– А он откуда знает?

– Ну..., наверное, доложили. Иголку в сене не утаишь. Обязательно где-ни будь, что-нибудь да просочится.

– И все же я попросил бы... э-э ...поконкретнее...

– Сынок парторга. Он оказался свидетелем...

– Ну, это мы еще посмотрим, кто там свидетель, а кто не свидетель. Инс танции не важны, важна истина. На этом и стоит незыблимо наше социалистическое государство, где справедливость и законность стоит во главе угла, если выразаться фигурально...

Некоторое время в полной тишине там, в райкоме, тщательно прочищали горло, после чего раздался голос с более твердым, каким-то металлическим звучанием:

– Мы повторяем: свидетель! Ясно? Не трогать. Тюльпанов у нас на хорошем счету. Не будем портить его репутацию.

– Хорошо... Кто же он, настоящий преступник? – слегка осипшим голосом произнес Цыплаков, произведя молниеносный мозговой расчет и также молниеносно перекраивая свое мировоззрение в угоду своему благополучию.

– Широков Иван Васильевич. Семнадцать лет парню. Только что школу окончил. Плугарем работает.

– Вот так-да! Ну и дела! А мы уж тут собирались всю область поднимать на уши, объявлять при необходимости...

– Боже упаси! Наоборот, надо как можно меньше шума, а то и так наш район гремит неустанно, то то, у нас, то это... Все не как у людей... Поменьше бы сор из избы выносить. А то привыкли трещать на всех перекрестках, не милиционеры, а бабы какие-то болтливые. Там, где случайная

пропажа, мы уже горазды, мы уже готовы интерпретировать, как разбойное нападение... А хоть и разбойное... Подумаешь, невидаль... Но не обязательно же об этом кричать во все инстанции... Уверен доложили в область. Доложили?

– Как и положено.

– Ну, сударь... Если мы так будем, подобно октябренкам, ежечастно отчитываться и бить поклоны направо и налево...

– А статистика?

– Что статистика?

– Ну... надо же фиксировать, сколько, чего и где.

– Статистика подождет... Умные все стали. Интегралы уже начали изучать. А того не понимают, что на одних интегралах статистических далеко не уедешь... Кто кого уколошил или обворовал – тут тоже надо знать меру, голубчик, а иначе мы никогда не выкарабкаемся из когорты отстающих.

На этот раз не с крайней осторожностью, словно мину, а резко, с ка ким-то отвращением, омерзением даже, словно змеюку или жаб, майор швырнул телефонную трубку на рычажки, произнеся при этом:

– Свинья, какой свинья!

– Ты про кого? – поинтересовался Максимыч. – Свинья свинье тоже рознь, однако, – примирительно добавил он. – Да пошел бы он! Двuruшник. Все они там, в райкоме, двuruшники.

– Угрюмцев что ли звонил? – угадал капитан.

– Он желчный и язвительный... Не люблю я его.

– А кто его любит?

– Предлагает не отмечать, не фиксировать нарушения, особо кричащие, вопиющие, так сказать, не торопиться отмечать, чистоплюй... А мне, приедут из области, башку отвернут за такие делишки.

– А как они узнают? – осторожно спросил заместитель, денно и ночью оберегающий своего начальника от необдуманных поступков...

– А вот этого я не знаю... Но стоит хоть чуть-чуть занизить, и тут же звонки сыпется, начинают копать... Сейчас в Слезки едем. Врать нас тоящего преступника. А этого малышка выпусти. Извиниться не забудь. И только они начали собираться, как подъехал. «хваленый сыскар» Зимарин по имени Антон – молодой человек с довольно заносчивыми манерами, видимо, не без связей... Он явно не церемонился, этот приезжий выскочка; хмуро поздоровался, развязал мешок и вытащил из него ржавый автомат.

– Что это? Не скрывая удивления, произнес Максимыч.

– Что это? – спросил хитрюга Максимыч. Он частенько если приезжали шишки из области, «брал огонь на себя».

– Да это автомат я раздобыл, – с напускной небрежностью произнес областной хлюст. Он явно кичился своим «надувным» величием, хотя был, по сути, шестеркой, приехавшей вынюхивать.

– Зачем он тебе?

– Как же? Военных времен реликвия. И холостые патроны к нему даже есть.

– А почему не боевые? – опять же довольно бесцеремонно спросил Мак-симыч, за версту чуя резонера.

– А где их взять, боевые?... Ничего, полосну холостыми, и он обкакается. Потом еще разок полосну, и он лапки кверху, как и полагается перед более сильным противником.

– Н-да мельчает наша профессия. «Без преступности она, наверное, скоро совсем отомрет», – произнес Цыплаков.

– Не говори... Вот, с трудом, удалось раздобыть ржавый автомат и ржавые пули – и на том спасибо.

– Ничего, ржавые пули больше бьют, – не совсем удачно, но как-то по-простецки, по-свойски произнес Максимыч. – Почаевничаем?

– А с чем у вас чай?

– С водкой, естественно. И колбаса вприкуску.

– Местного копчения, – добавил Цыплаков.

– По чем?

– По десятке.

– Неплохо орудуют. Да где это видано, чтоб колбаса десятку стоила? Совсем, наверное, оборзуют скоро.

– Но... Антон... э-э... как Вас по батюшке?

– А не надо по батюшке.

– Лучше по матушке, – опять невпопад, но по-доброму, в рамках приличия произнес Максимыч. Все же талант был у него, несомненный – ладить с начальством, находить с ним общий язык. – Ну что ж, баба с возу, кобыле как говорится, легче... Что это у Вас, эдакое, красивенькое, переливается аж.

– Амuletик. Мать подарила. Чтоб пуля бандита не зацепила.

– Как вы думаете, Антон, если траектория полета пули...

– Так, хватит о высоких материях, – умело вклинился майор, не менее умело разливая в стаканы прозрачную жидкость и выставляя блюдечко с порезанной колбасой. – Сдвинем бокалы и выпьем по маленькой за нашего гостя. Так как предстоит довольно серьезная операция. Нервы наши не должны быть взвинченными. Они выпили по полстаканчика и неспешно закусили.

– Однако, неплохо тут у вас, уютненько, – постепенно теряя наигранные

тона, произнес Антон лейтенант милиции, переодетый в штатское. И Максимыч, сама, можно сказать, простота, произнес в ответ:

– В тесноте да не в обиде. Ютимся, так сказать... Вот, ждем, когда вашему начальству заблагорассудится хоть немного расширить наши апартаменты, даст смету, так сказать...

– Н-да... Возможно, возможно, – неопределенно произнес Антон. – Ну что ж, просим доложить обстановку. Кто будет докладывать?

– Он доложит, – произнес Цыплаков, поворотом головы и взглядом указы вал на Максимыча.

– Назвался груздем, полезай в кузов, – не совсем к месту произнес Максимыч и начал докладывать...

После не очень собранного, довольно сумбурного доклада, чрезмерно пересыпанного шутками – прибаутками, Антон встал и с посерьезневшим лицом прошелся по кабинету, словно полководец, раздумывающий, какой сделать следующий ход, чтоб максимально досадить заседающему противнику.

– Значит, товарищи, фабула такова... Я прихватываю, кого-нибудь из ваших, и мы спокойненько едем в ту деревушку. Кстати, сколько до нее?

– Двадцать пять кмэ, – отозвался Максимыч.

– Тоже немаловажный факт.

– В смысле? – не понял майор.

– Удаленность... От центра, я имею в виду. От районного. Чем удаленнее, тем оловянее головы, тем более диковатое преступление. Ну где это видано: малолетка, по сути, только что окончивший школу, взял колхозную кассу и закопал ее в зарослях картошки... Естественно, такое возможно

лишь в деревне, дикой – предикой... Уверен, он сейчас уселся на том месте и сидит, как помешанный, выпучив шары и поворачивая голову на малейший шорох... Такого взять -раз плюнуть. Осторожно подползти и захомутать голубчика, предварительно дав ему пару подзатыльников... Простота. Деревенщина дебри дремучие. Уверен, там и дома нараспашку, понятия не имеют, что значит закрывать дом на замок, уходя в магазин за хлебом...

Ловко расписывает, – подумалось Максиму. – Да только еще ничего не известно, не известно, какой финт выкинет этот фрукт по фамилии Ши роков и по прозвищу Рыбкин.

– Короче: одного рядового дадите и на том спасибо.

– Господина сколько же нужно на одного несмышленища! Нету у меня рядовых. Нету. Все с лычками, – гут же отозвался недовольно начальник милиции.

– Ну давайте с лычками.

– Они... они отсутствуют, – грустно произнес майор, потупив голову.

– Как это – отсутствуют? Что за дичь? Как это понимать? Где они? – Да кто где... Кто в отпуске, кто отгул взял, кто вообще... заболел.

– Отозвать, срочно отозвать.

– А вот это я не имею права. Если б какое-нибудь чп типа военной заварушки или еще чего в этом роде, а так, по пустякам, брать малыш, засевшего в картошке... Извините меня, но это уже абсурд, смехотура, – спокойно отверг майор, неожиданно как бы показывая зубы, видимо, уже раскусив под

люю натуру этого молодчика – выскочки, имеющего то ли какую-то поддержку или просто умеющего присасываться с помощью присосок для получения питательной смеси в виде всевозможных благ и привилегий.

Быстро соориентировавшись и ничуть не погрузнев, молодой человек произнес, как ни в чем не бывало:

– Так, ладно... В таком случае... Так и быть. Я и шофер. Как-нибудь повя жем.

– Я поеду с тобой – вызвался Максиму.

– Знаешь такую поговорку – третий лишний? – запротиворечил гость видимо, пребывая в состоянии некоторой обидчивости.

– Ничего, ничего, кашу маслом не испортишь. Хоть дорогу покажу. Всё мо-жет быть. Как ты ни крути, а все же не увеселительная прогулка. В любой операции нет никакой гарантии, что не получится прокол.

– Ладно, ладно, старик, уговорил...

На самом же деле Максиму преследовал совсем иные цели – не остав -лять чужака без присмотра...

А тем временем сынок парторга уже усиленно пилил на поезде к родственникам в Подмосковье. Там его не найдут, – так сказал парторгу его Угрюмцев.

– Да и вряд ли будут искать свидетеля – слишком жирно будет. Тогда как в самих Слезках тучи сгустились все больше и больше. И вот уже узик, статистическая удобоваримая машина для периферийных неудобоваримых дорог под видом машины связи, подсакивая на рытвинах и ухабинах, неумолима приближается к дому Широковых...

– Ну что, матрос? «Максиму переделался матросом, чтоб не угадали», -спросил Антон, – Строего у вас начальство?

– Да как сказать... – раздумчиво произнес. Максиму, словно не заме чая никакой подоплеки, никаких подводных камней и каверзости в этом простеньком вопросе. – Когда надо, то и строгий. Без этого тоже нельзя, особенно у вас.

– Ну а все-таки, бывает хоть иногда добрым? – не отставала «подставная утка» в ожидании прокола в ответах зама.

– Ну... как сказать... – опять же, прикидываясь простачком, но и стараясь напустить туману, произнес уже немолодой капитан, всеми силами ста —

раясь оградить образ своего начальника от тех или иных недобрых по- ползновений. – Бывает, что и подобрее, одарит потеплевшим взглядом, не более. А из редка и похвалит. В особых случаях. Когда подстрелишь какую-нибудь важную птицу, попадешь, так сказать, в десятку. Если заслужил, чтоб и не похвалить, сделать, так сказать, добрую мину при плохой погоде...

– Что Вы подразумеваете под словом «плохая погода»? Политику, навер- ное? Нашего генсека:

– Боже упаси... В политику мы не лезем, пусть туда лезут другие, у кого ума маловато и они не знают, куда себя приложить. Нам не до политики. Нам лишь бы солнце светило да жена была попокладистой в постели да борщ варила повкуснее – вот и вся – наша политика...» «Замысловатый старик, заковыристый, однако, – подумалось Антону... Такого голыми руками не возьмешь... И все же я его зацеплю».

– Значит, Брежнев тупой?

– Я это не говорил.

– Ты же сказал...«У кого ума мало.»

– Да, у политиков. Но Брежнев – это наше светило, а не политика. Поли-тика строится уже вокруг него.»

«Выкручивается, гад, видно, что выкручивается. Но прижать трудно, слиш- ком скользкий, считай, сорвалась рыбка, – сожалеючи резюмировал Антон, прекращая бесполезную дискуссию.

Дальнейший путь они проехали в полном молчании. Лейтенант на переднем сиденьи задумчиво уставясь в лобовое стекло, с некоторым интере- сом рассматривал незнакомые ландшафты, Максимыч же, удобно устроив -шись на заднем сидень, пребывал в состоянии, немного напоминающем легкую дремоту... И лишь на подъезде к Слезкам Антон неожиданно остновился.

– Значит, товарищи, без всякой суеты.. Вы, Максимыч, и водитель, эдак вежливо – тук-тук – разрешите, мол, и входите. Я же притаюсь в кустах картошки.

– Почему в картошке? – поинтересовался Максимыч. Этот юнец отчасти забавлял. его.

– ..Да... все как-то к деньгам поближе. Да и если он будет «рвать когти», то обязательно кинется к огородам, где мы его и заштопаем..»

Все это время отец Рыбкина, как и сам Рыбкин как помещанный ходил из угла в угол мать, будучи не в курсе, спокойно прядя пряжу. Васи лия Тарасовича беспокоил Тюльпанов. Он не доверял ему и потому чувствовал на душе тревогу, вызванную также неопределенностью, состоянием подвешенности. А мысли шли по замкнутому кругу: «Сказал, все уладит? Но как? Как он уладит. Органы не проведешь. А умащать – чем умащать? Абсолютно нечем... А не водит ли за нос? Не соби-

рается ли себе заграбастать?..«И лишь мать тихо сидела в уголку, прядя пряжу. Она была не в курсе. Когда к дому подъехала машина, якобы, связи, сердце пожилого чело века вздрогнуло и забилося в учащенном ритме. И ему подумалось с легкой грустью: «Обманщик. Врун этот Тюльпанов, падла.»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.